

часть первая

I

Зеркала занавешены, входная дверь приоткрыта, воротник разорван, а на лице — легкая щетина: Ларри стоит, облокотившись на гранитную столешницу модного кухонного островка в доме своей сестры. Говорит:

— На меня все пристально смотрят. Все ваши друзья.

— Люди есть люди, — говорит ему Дина. — Приходят, говорят добрые слова, чувствуют неловкость и смотрят пристально.

А всего-то несколько часов минуло после похорон, и Ларри, честно, сам себя ненавидит за то, что вообще поднял эту тему. Раньше он искренне верил, что ничто не может усугубить его боль от потери отца. Но это вот, тихий бормочущий поток сопереживающих, — для Ларри дополнительная мука.

Какие взгляды на него бросают — вот что ему

не по душе. Ладно бы обычный сочувственный кивок, естественный жест. Ларри уверен: тут не обходится без задней мысли, без осуждения. Как он вообще доживет до конца недели, запертый в доме сестры, в кругу знакомых сестры, если всякий раз, стоит кому-то из посетителей глянуть в его сторону, он чувствует, что ему ставят оценку?

Вот отчего он то и дело тянется рукой к макушке — проверить ермолку: она, при всей ее эмоциональной весомости, торчит так, словно он надел на голову колпак от колеса. Оказаться же без ермолки на шиве по родному отцу — все равно что выйти к этим людям нагишом.

Потихоньку отлучившись с сестрой на кухню — наконец-то улучив минутку наедине, — Ларри, шипя, изливает все свои жалобы.

— Скажи им, — говорит он, — чтоб перестали смотреть в мою сторону.

— Когда они приходят выразить соболезнования? Ты хочешь, чтобы они не смотрели на... — Дина делает паузу. — Мы кто? Соболезнуемые? Горюющие?

— Мы — повод для стенаний.

— Скорбящие! — говорит она. — Ты хочешь, чтобы они не подавали виду, что за нас переживают?

— Я хочу, чтобы они не судили меня только за то, что я ушел из их дурацкого мира.

Дина — впервые после того как они предали отца земле — смеется.

— Как это на тебя похоже, — говорит сестра. — Все обращать в негатив, осложнять то, проще чего и не бывает. Эта ожесточенность перед лицом чистого добросердечия тебе даром не пройдет.

— Даром не пройдет? Ушам своим не верю! Ты серьезно говоришь такие слова — сегодня?

— Да, серьезно. Сам знаешь, младший братец. Ларри, я тебя люблю, но если ты вздумает даже сегодня — да, сегодня — закатить истерику, как это у тебя водится...

— Как это у меня водится?!

— Ларри, не ори. Люди услышат.

— Да пошли они, эти люди...

— О, как мило.

— Я серьезно, — говорит Ларри, а сам думает, что слово «истерика» тут, пожалуй, отчасти уместно.

— Тогда валяй дальше. Ругай последними словами всех этих ужасных людей, которые будут на всех нас готовить, вместо меня отвозить моих и соседских детей в школу и позаботятся, чтобы мы скорбели не в одиночку. Да, изругай всех добрых людей, которые омыли тело нашего отца, и приготовили саван, и положили ему черепки на глаза, а теперь приходят в наш дом, чтобы собрать миньян.

— Дина, оставь меня в покое. Это и мой траур, и у тебя я, по идее, должен был бы чувствовать себя как дома — так, как чувствуют тут себя они.

— А кто спорит? Но и ты должен понять, Ларри:

им это непривычно. Непривычно то, чем ты занимаешься. — Дина набирает в грудь воздух, заново выстраивая логическую последовательность своих рассуждений. — Мемфисские евреи — они ведь консервативнее даже тех, среди которых мы выросли. В Бруклине даже враги новизны — по-своему новаторы. А здесь, если уж ты вздумал бунтовать, на тебя иногда могут посмотреть пристально.

Теперь уже Ларри смотрит пристально. Стоит перед своей старшей сестрой, таращится, как он это умеет, — непонимающе. Недоумеваает: чего в нем такого бунтарского?

— Скажи, что ты просто не знаешь, — говорит она. — Нет, правда, скажи, что ты не нарочно. Что ты и вправду все позабыл.

— Правда-правда: я не знаю. Кля... — Ларри уже готов поклясться, а ортодоксальным евреям клясться воспрещается. Не столько из уважения к сестре, сколько доказывая свою безвинность (дескать, что бы про него ни думали, он не такой уж чудик и не совершает поступков, которые хоть кому-то покажутся зазорными), Ларри исправляет еще не сказанную фразу — завершает, скомкав. — Честное слово, — говорит он.

— Что, правда без моей подсказки ничего не знаешь?

— Не знаю, — говорит он.

Дина театрально закатывает глаза: она всю жизнь так делала, едва Ларри достаточно под-

рос, чтобы понимать, какой смысл она в это вкладывает, да и пока не понимал — делала наверняка. Принимается объяснять — а сама уверена, что Ларри сам все знает и нарочно поступает наперекор.

— Ты выходишь во двор. Читаешь книжку, — говорит она с истинно сестринской яростью. — Сидишь, словно так и надо, на обыкновенном стуле.

Услышав это, Ларри распрямляется, отталкивается от островка обеими руками, снова замыкается в своей обиде.

Дает себе минутную паузу, чтоб к щекам прилила кровь, багровеет, как будто он, подобно хамелеону, способен по желанию менять окраску.

— Это не причина обходиться со мной как с ненормальным, — говорит он. — Какие-то дурацкие правила.

Но прямо в то мгновение, когда Ларри произносит эти слова, он — взбунтовавшийся младший брат, паршивая овца и... что уж там, отступник — понимает: для Дины это не просто какие-то «правила».

То, что он выходит из дома на воздух. Прочитывает страничку книги, чтобы развеяться. И, самое ужасное, пренебрегает специальными сиденьями для шивы — низкими стульчиками, деревянными сундуками, софой без подушек. Вообще ни в какие ворота. Древняя поза: осиротевшие родственники сидят, согнувшись в три

погибели, с пепельными лицами, почти на уровне земли, — символизирует для Дины верх скорби.

— Траур становится трауром не благодаря дурацкому стулу, — говорит Ларри, идя ва-банк.

Хотя и знает, что для сестры — да, именно благодаря стулу.

Вот он, Ларри, в доме Дины: лежит, еле втиснувшись на узкую кровать племянника, в узкой комнате племянника, замерзая под тонким полиэстеровым одеялом в арктическом холоде, нагоняемом кондиционером.

В первую ночь траура Ларри не спится: вся его просветленность, достигнутая на сеансах дзадзэна¹, не помогает дистанцироваться от шока, который вызывают у него собственные мысли.

Ему хочется крикнуть: «Папа!» Ему хочется крикнуть: «Мамочка!» И эта добавившаяся к скорби регрессия пугает его. Взрослый мужчина, фрустрированный своей фрустрацией, подавляющий свою боль.

Если бы Ларри сам не начал впадать в детство, Дина так и так отправила бы его туда одним пинком: устроила его в норке одиннадцатилетнего мальчишки, хотя могла бы постелить тридцатилет-

¹ Дзадзэн — буддийская медитативная практика. Ее первой и основной задачей считается успокоение тела и проникновенное понимание феноменов существования. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, — примеч. пер.*

нему брату в кабинете — комнате, более достойной его статуса дядюшки.

Но именно в кабинете отец впервые почувствовал себя дурно, когда приехал навестить их на Песах. Именно в кабинете отец выздоравливал в промежутках между многочисленными поездками в больницу, вплоть до последней, роковой госпитализации. В сознании Дины эта комната заперта на все замки.

Потому-то Ларри и досталась узкая койка, на которой он теперь поворачивается лицом к сияющему аквариуму племянника.

Водянистый свет аквариума озаряет стену напротив, окатывая волной Ларри. Рыбки мелькают на фоне полки с гигантскими кубками: Ларри в пору занятий спортом подобных наград не получал.

И теперь ему хочется не докричаться до родителей, а накричать на сестру, сердясь... на что именно, он даже выразить не может. Может, на свет аквариума — включенный, слепящий, не дающий спать человеку, измочаленному бессонницей? Или на то, что в их семье, и до того маленькой, старшая сестра не смогла уберечь отца от смерти? Или на то, что, когда Ларри был в нежном возрасте своего племянника, Дина, хоть и была старше и мудрее, не смогла удержать их малахольную мать от побега в округ Марин с новым муженьком — этим посмешищем, этим повернутым на нью-эйдж Деннисом: молодожены

удрали сразу после свадьбы, состоявшейся в тот же день, в который их дорогой отец взял в руки гет¹.

С процедуры своего развода в раввинском суде мать прямоком — в буквальном смысле — отправилась под хупу в парке Проспект², где Ларри был вынужден держать одну из стоек хупы, когда Деннис разбивал бокал, топча его своей ножищей в практичной сандалиии «Биркеншток».

При этом воспоминании Ларри качает головой, прижимает к лицу подушку так крепко, что перед глазами вспыхивают звезды, и догадывается: возможно, он сердит на Дину только потому, что она олицетворяет все, что осталось от единственной семьи, какая у него была.

Теперь их всего двое, одни-одинешеньки.

Вот только Дина не одинока. У нее есть муж, и трое детей, и сотни религиозных соплеменников, которые всю неделю будут ходить сюда косяками. Это же евреи южных штатов, Мемфиса, Грейсленда³ — они никогда не отступятся и никогда не отвяжутся.

Переутомление и переживания, непрекращающийся анализ своего горя — все это сильнее Ларри: он капитулирует и слезает с кровати.

¹ Гет — бракоразводная процедура в иудаизме, а также особый документ (разводное письмо), выписываемый бывшим мужем бывшей жене.

² Общественный парк в Бруклине, Нью-Йорк, США.

³ Усадьба в Мемфисе, в которой жил Элвис Пресли.